

Однако благодаря защитному чехлу эта штукавина выглядела гораздо приятнее. Не такой жуткой, словно на неё наложили фильтр, да и текстура казалась лучше.

Тан Сю вдруг посмотрел на Цзян Цяо, словно в замешательстве:

— Скажи, в мире есть Небо и Земля, а среди людей — добро и зло. Если чёрное — это зло, а белое — добро, то что такое красное?

Цзян Цяо замер, не задумываясь:

— Кровь?

Тан Сю: «...»

— Чёрные убивают белых, белые мстят чёрным, обе стороны проливают немало крови. — Цзян Цяо встал и указал на стяг сбора душ:

— Видишь, в твоих маленьких ячейках есть чёрное и белое, а красное — это фон, который растекается. Разве это не символ того, что обе стороны обильно истекают кровью? Чёрные против белых, вечная битва.

Тан Сю: «...»

Так и хотелось найти рулон скотча и заклеить этот чёртов полёт фантазии.

Тан Сю бросил на Цзян Цяо неодобрительный взгляд, затем снова посмотрел на стяг сбора душ и тяжело вздохнул.

Одна вещь оставалась для него неясной. До того как стяг начал проявлять активность в нынешнем воплощении, сектор, где находилась восемьдесят первая несобранная душа, был белым. Поэтому все сборщики душ знали, что восемьдесят первая душа — добрая. На стяге сорок злых и сорок одна добрая душа, добрых на одну больше — это было общепризнанным среди практикующих на протяжении десяти тысяч лет.

Но, вероятно, никто не мог представить, что восемьдесят первая душа на стяге вдруг стала красной.

Именно после того выцветания белая восемьдесят первая несобранная душа постепенно начала окрашиваться в красный. Стяг больше не проявлял активности, но красный цвет день за днём расползлся, уже заполнив три-четыре десятых сектора.

Ещё одна вещь оставалась неясной. Если исключить связь дела Лу Канцзина со стягом, то единственным подозреваемым оставался Цзян Цяо. Но... только что Цзян Цяо поцеловал его ладонь, даже он сам что-то почувствовал, почему же стяг остался неподвижным?

Казалось, с тех пор как в прошлый раз был достигнут значительный прогресс, эта старина, помимо тихой смены цвета, снова погрузилась в новый цикл сна.

Но в прошлый раз... ведь тоже ничего особенного не произошло.

— Эй, о чём думаешь? — Цзян Цяо помахал рукой перед лицом Тан Сю. — Клонит в сон?

Тан Сю очнулся и покачал головой. Его взгляд упал на губы Цзян Цяо. Режиссёр хорошо о себе заботился, губы были румяными и влажными, блестели. Даже без того поцелуя можно было

представить, насколько они мягкие.

В голове Тан Сю вдруг мелькнула мысль.

Он поднял глаза на Цзян Цяо:

— Режиссёр, сможешь ещё разок?

Цзян Цяо:

— Хм? Говори.

Тан Сю смотрел на него чистыми, чёрными, блестящими глазами и понизил голос:

— Давай поцелуемся. Совсем чуть-чуть.

Цзян Цяо полностью остолбенел. Старый Предок, вот это мощь! Одна фраза — и его, выдавшего виды режиссёра, от сердца до макушки пронзило онемение, в горле мгновенно пересохло, а в груди заколотилось, будто барабан.

— А?

Они изначально были в разных позициях: один стоял у кровати, другой сидел на ней. Тан Сю был человеком действия и, видя, что тот не отказывается, встал на колени на кровати. Кровать в съёмочной группе была низкой, Цзян Цяо всё равно оставался выше, поэтому Старый Предок естественным движением ухватился за его рубашку на груди, заставив того немного наклониться.

Мир Цзян Цяо вдруг стал очень тихим.

Тихим-тихим, словно погрузился в белый свет первозданного хаоса. В ушах стоял звон, всё тело будто оглушило током, мозг полностью опустел.

В поле зрения был только Тан Сю, стоящий на коленях на кровати, выпрямив спину, запрокинув голову и приближающий свои губы. Его зрачки были чёрными и ясными, напряжённая шея изящна и стройна, кадык слегка двигался.

Нельзя было сопротивляться. Никто не мог сопротивляться.

Цзян Цяо смотрел, как те две розовые губы приближаются, пока тёплое ощущение не коснулось его собственных губ. Его нос слегка столкнулся, целующий наклонил голову, чтобы найти другой угол.

Дыхание Тан Сю было прямо перед ним, лёгкое дыхание юноши — единственный звук в мире.

...Казалось, можно было почувствовать, как нервы в мозгу один за другим рвутся, разум терпит поражение, теряя все способности к мышлению.

Цзян Цяо знал — он пропал.

В момент соприкосновения губ ледяное сердце Тан Сю, прожившего десять тысяч лет, слегка растаяло. Он никогда раньше не испытывал такого чувства — сердце словно повисло в груди, что-то тянуло его вниз, то и дело дёргая, заставляя его самого дышать легче, не решаясь на какие-либо неосторожные движения.

Е Чжихэн когда-то описывал ему чувства, которые испытывал, когда впервые воспылал страстью к Миньминь. Тогда он лишь презрительно фыркнул, слушая как забавную историю, но в этот миг он понял — у него тоже появилось такое чувство.

Цзян Цяо любит его — он знает.

Цзян Цяо ему не противен — он тоже знает.

Но лишь сейчас, когда они оказались лицом к лицу, дыхание друг друга совсем близко, он понял, до какой степени Цзян Цяо ему не противен.

Такое чувство было очень таинственным.

Цзян Цяо слегка прикусил его губу, затем язык осторожно проник внутрь.

Дыхание режиссёра становилось всё громче. Рука Тан Сю, сжимавшая его рубашку, слегка ослабла — он не был уверен, стоит ли углублять этот поцелуй.

Это была проверка. Если семьдесят первая несобранная душа — это любовь между ним и Цзян Цяо... Сейчас он целуется с Цзян Цяо прямо перед стягом, оба охвачены чувствами — стяг не может не отреагировать.

Но стяг на стене безмолвно висел, словно ослепший.

Тан Сю, стиснув зубы, потянул Цзян Цяо вниз. В глубине глаз напротив словно вспыхнул свет, резко сузившись. Тан Сю опрокинулся на кровать, Цзян Цяо, схваченный за рубашку на груди, оказался сверху, одной рукой опираясь о кровать, едва сохраняя дистанцию в несколько сантиметров.

— Что ты делаешь? — Голос режиссёра звучал сдавленно, он смотрел на по-прежнему ясные глаза Тан Сю, словно тот не имел к этому никакого отношения. — Ты ведь знаешь, что я всё это время к тебе не равнодушен?

— Знаю. — Старый Предок честно кивнул. — Если бы не знал, не стал бы так поступать — это было бы несправедливо по отношению к тебе.

Цзян Цяо молчал несколько секунд.

В шоу-бизнесе всякой нечисти хватает, соблазнов много. Он думал, что уже стал невосприимчив, но лишь сейчас понял, что такое настоящий соблазн.

Внутренняя борьба длилась, словно целый век. Вдруг Цзян Цяо глубоко вздохнул, оттолкнулся от кровати, встал, поправил воротник рубашки и низким голосом сказал:

— Хватит дурачиться. Ложись пораньше.

Тан Сю был удивлён.

По его представлениям, люди — существа с крайне низким самообладанием. Даже те, кто дисциплинирован, сдержан и достиг успеха, редко могут сдерживаться до такой степени.

Хотя он и не собирался делать с Цзян Цяо что-то настоящее, и, видя, что стяг остаётся неподвижным, вряд ли сегодняшняя проверка даст результат, он всё же был поражён, глядя на Цзян Цяо:

— Ты...

Цзян Цяо, казалось, был раздражён. Нахмурившись, он подошёл к двери, но остановился и обернулся.

— Тан Сю, а ты что думаешь?

Тан Сю запнулся:

— О чём?

— Ты знаешь, что ты мне нравишься. А я тебе?

Услышав это, Тан Сю замолчал. Возможно, только что его тело дало ответ, но его сердце не желало подчиняться. Он смотрел на Цзян Цяо. Спустя десяток секунд Цзян Цяо вдруг усмехнулся, в голосе прозвучала насмешка:

— Значит, ты по-прежнему не пускаешь никого в сердце? Не отогреешь?

Тан Сю молчал. Цзян Цяо продолжил:

— Если так, я не понимаю, в чём смысл твоих действий. У тебя уже есть лучшие сценарии, лучшие ресурсы, все в съёмочной группе знают, что ты самый любимый актёр режиссёра. Ты...

— Нет. — Тан Сю перебил его, нахмурившись, в глазах мелькнуло раздражение. — Как ты разговариваешь?

— Как разговариваю? — Выражение лица Цзян Цяо стало холодным, не осталось и следа от обычной услужливой мягкости. — Иначе как мне думать? Ты ко мне ничего не чувствуешь, но вдруг...

Цзян Цяо замолчал. В комнате воцарилась тишина.

Неизвестно сколько времени спустя Цзян Цяо тихо усмехнулся, покачал головой и прошептал:

— Подлец.

С этими словами он повернулся к двери. В тот миг, когда его рука коснулась ручки, вечно спокойном сердце Тан Сю вдруг пронеслась волна импульса, и он резко крикнул:

— Я разве говорил, что не чувствую ничего?

Рука Цзян Цяо замерла на ручке, но он не обернулся.

Настроение резко взлетело и упало, словно на американских горках. Он не мог поверить своим ушам.

— Что ты сказал?

Тан Сю, потеряв половину уверенности, после долгого колебания наконец вздохнул.

— Садись. Мне нужно с тобой поговорить.

...

<http://bllate.org/book/16171/1449932>